

* * *

Следующий фрагмент закономерно завершает параграф о русском и польском пространствах, представляя суммарный очерк поэтических контекстов, в которых появлялось в русской лирике первой половины XIX в. имя польской столицы. Микросюжеты, порожденные устойчивыми рифменными сочетаниями, давно стали законным объектом внимания для историков литературы. Однако для истории идей они не менее интересны. Анализ сочетаний с именем Варшавы в русской поэтической продукции 1830-х гг. демонстрирует, насколько значимую роль в интерпретации актуальных событий играет вмести́мость рифменного гнезда. Акустический облик имени города может сыграть решающую роль в определении места этого города на политической карте империи.

2.1.4. Русская слава и польская столица: к истории одного клише*

Роман Лейбов

Предлагаемый раздел, развивающий исследовательский сюжет, первый подход к которому мы с соавторами постарались представить в докладе на X Тыняновских чтениях (2000)¹, одновременно примыкает к обширной работе, посвященной комментариям к ранней политической лирике Тютчева². Первое обстоятельство определяет ракурс наших наблюдений, второе — их хронологический фокус (начало 1830-х гг.), экс-

* Работа выполнена при поддержке гранта ЭНФ № 7901 ««Идеологическая география» западных окраин Российской империи в литературе». В основании параграфа лежит статья автора: Русская слава и польская столица: к истории одного рифменного клише // История литературы. Поэтика. Кино: Сборник в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой. М., 2012. С. 187–198.

¹ См.: [Лейбов, Степанищева, Фрайман; Лейбов, Лекманов]. Проблема «рифма и топоним» в связи с «московским текстом» недавно была поставлена в работе: [Лосев]. Ср. также посвященные отдельным рифмопарам или рифменным гнездам работы [Обатнин; Фрайман; Voele: 164–182].

² Эта работа ведется нами совместно с А. Л. Осповатом.

курсы в более поздние эпохи эпизодичны и сугубо иллюстративны³.

Обладая предельно конкретным, уникальным денотатом, имя собственное, в особенности — топоним дает широкий спектр коннотаций, связанных с культурно-историческими контекстами. Сама частота употребления астионимов в разных речевых жанрах наглядно представляет картину пространственно-культурной иерархии, своеобразной цивилизационной карты⁴. При этом выдвижение имени собственного в рифменную позицию закрепляет не только лексему, но и ее связи с рифмующимися единицами, что в пространстве лирического текста означает создание устойчивой тематико-сюжетной связи между образующими повторяющиеся созвучия словами. Разумеется, сказанное касается не только астионимов, но

³ При работе над статьей мы активно пользовались возможностями «Национального корпуса русского языка» (www.ruscorpora.ru; далее — НКРЯ), цитаты, найденные с помощью НКРЯ, приводятся ниже без ссылок на издания.

⁴ Для русской поэзии XVIII – первой половины XX вв., с разной степенью подробности учтенной НКРЯ, картина выглядит так (приводятся названия городов империи и количество вхождений лексем, учтены тексты, написанные до 1918 г., исключены из рассмотрения локализирующие пометы после текстов): Москва 1183, Петербург + Петроград + Петрополь 156 + 48 + 116 = 320, Киев 185; Казань 94, Варшава 74, Новгород 57 (без различения Великого и Нижнего), Полтава 48, Псков 42; Одесса 24, Рязань 22, Севастополь 17, Тверь 17, Смоленск 16, Кострома 15, Тамбов 14, Ревель 14, Астрахань 14, Тула 14, Чернигов 12, Вильна 12, Рига 11, Саратов 11, Архангельск 7, Воронеж 7, Ялта 6, Вологда 4. Для сравнения приведем данные по некоторым иностранным астионимам: Рим (и как город, и как государство) — 850; Париж — 288; Венеция — 81; Лондон — 45; Берлин — 35; Вена — 32; Мадрид и Мадрит — 8+11=20; Ницца — 19; Амстердам — 14; Лиссабон — 11. Экзотическая столица Португалии, упоминающаяся в связи с катастрофическим землетрясением (линия, дошедшая до Блока), а также как ультраромантический полупародийный варваризм (Мятлев, Ростопчина), оказывается для русских стихов более актуальной, чем Харьков, Курск и Самара вместе взятые.

в связи с особым статусом имени собственного в языке и культуре⁵ явление семантической связанности рифмующихся лексем приобретает особую остроту⁶. Уже в XVIII в. такие связи начали превращаться в клише. Как отмечает М. Л. Гаспаров, в это время

<...> разработка точной рифмы, предпочтительно богатой и предпочтительно неглагольной, до предела стесняла сеть ограничений, налагаемых на стих в отличие от прозы. Это было хорошей школой для поэтов, но таило и опасности. Круг рифмующихся слов оказывался очень узок, это приводило к частым повторениям; ограничения в выборе слов, налагаемые стилистикой и тематикой классицизма, этому только способствовали. Такие рифмы, как «держава — слава», «Елисавета — света», «Екатерина — крина» в одах, «кровь — любовь», «минуты — люты»,

⁵ См. об этом: [Лотман, Успенский].

⁶ Показательна сопряженность тем имени и рифмы в метапоэтической мифологии: напомним, как Державин откликнулся на ошибку привратника, принявшего пакет, адресованный соседу и однофамильцу поэта, обер-священнику И. С. Державину: «Един есть Бог, един Державин, / Я в глупой гордости мечтал. / Одна мне рифма — древний Навин, / Что солнца бег останавлил. / Теперь другой Державин зрится, / И рифма та ж ему годится; / Но тот Державин поп, не я: / На мне парик, на нем скуфья» («Привратнику», 1808). Отметим, что с точки зрения русского рифмовника (даже не расшатанного державинского, но соблюдающего нормы безукоризненной точности, хотя и не графической, а только фонетической) с фамилией поэта сочетаются вполне уместные прилагательные «славен» и «равен», впоследствии активно использовавшиеся русскими поэтами в этой функции. Однако в поэтическом сознании Державина созвучие означает персональное уподобление поэта и библейского героя. Показательно, что в написанном от лица соседа поэта ответе — «Послании моему секретарю» — рифменный аргумент демонстративно отменяется, вместо него оппонент предлагает идеологическую этимологизацию фамилии: «Един есть Бог и Вседержитель, / Державин есть державы житель: / В державе житель не один, / А рифма есть ни род, ни чин. // Нет нужды спорить мне с пиитом, / Богатой рифмы мне не жаль» [Державин: 426–427].

«страсти — власти — части» в песнях, «хлопочет — хочет» в баснях, стали так банальны, что вызывали насмешки [Гаспаров: 93–94; ср. описание клишированных рифменных гнезд в высоких жанрах поэзии середины XVIII в.: Западов: 64–65].

Освоение отдельных топонимов русским рифмовником зависит от двух рядов — внелитературного (культурной актуальности объекта) и имманентно-поэтического (рифменного гнезда, в которое в данный момент имя входит). Актуальность может быть более или менее постоянной, связанной с устойчивым, исторически обусловленным местом объекта в национальной (или шире — международной) культурной мифологии, или же окказиональной-злободневной, редко переживающей свою эпоху. При этом правила формирования и объемы рифменных гнезд — также параметры переменные, зависящие от двух основных факторов: действующих правил рифмовки (включающих фонетические и морфологические ограничения) и общих принципов отбора лексики для текстов данного жанра или типа. Выдвижение имени в рифменную позицию, таким образом, может быть описано, с одной стороны, как наложение дополнительных ограничений на контекст использования топонима, с другой стороны — как аккумуляция вокруг имени устойчивого облака дополнительных смыслов, транслирующегося традицией⁷.

Интересующий нас эпизод связан с топонимом «Варшава», относительно поздно освоенным русской поэзией и сильно связанным с текущей политикой и национальной мифологией. Кроме того, в этом случае мы имеем дело с включением топонима в уже сложившееся рифменное гнездо с достаточно ярко очерченным лексико-тематическим ядром, в центре которого

⁷ В этом отношении функционирование рифменных клише подобно феномену семантического ореола размера: в обоих случаях метапоэтическая мифология склонна описывать условное как органическое, для обоих особое значение могут иметь прецедентные тексты.

существительное *слава*, широко представленное в разных значениях в поэзии XVIII в.

Примечательно, что один астионим был уже включен в это гнездо до появления там «Варшавы» — это «Полтава», устойчиво рифмующаяся с центральной лексемой гнезда⁸. Разумеется, «слава» здесь — не «молва» или «репутация» (как в сатирах Кантемира, где несколько раз встречается рифма «славы/нравы»), а Полтава — не губернский город. Другие лексемы, входящие в это «батально-одическое» петровское рифменное гнездо — «держава», «кровавый» и присоединившееся уже в следующем столетии к нему прилагательное «двуглавый» — также представлены в наборе «полтавских рифм», определяющемся в эпоху Ломоносова и доходящего до позднего Жуковского⁹ а затем воскресающего в рифмах Брюсова¹⁰

⁸ НКРЯ позволяет в первом приближении описать коэффициент рифменной связанности отдельных топонимов (т. е. отношение рифменных вхождений к общему числу вхождений), который косвенно будет указывать на реализованную в корпусе русских стихов контекстуальную связь топонима и некоторого конечного числа лексем, образующих вокруг имени облако потенциальных тематико-сюжетных линий; чем выше этот коэффициент, тем менее свободным является введение имени в текст. Коэффициент рифменной связанности демонстрирует напряжение между двумя описанными нами рядами: маркированность имени собственного диктует выдвижение астионима в рифменную позицию, однако правила рифмовки могут этому противиться. В качестве фоновой величины можно рассмотреть рифменную связанность частотных лексем: *сердце* (1451/16911 = 0.09), *ночь* (2439/10519 = 0.23), *любовь* (3223/12813 = 0.25), *любить* (3044/10648 = 0.29), *день* (5021/17423 = 0.29). Применительно к нашей теме, интересно, что абсолютным чемпионом по рифменной связанности среди астионимов будет Полтава (0,72, т. е. почти в $\frac{3}{4}$ случаев слово входит в состав рифмопары). У Варшавы этот коэффициент равен 0,35, у Москвы (по данным за 1800–1845 гг.) — тоже 0,35, а у Киева, которому не повезло с парами — всего 0,08 (в этом отношении он подобен *сердцу* в общепозитическом лексиконе).

⁹ *Чудотворящая звезда / Петрова знаменем славы / Нам воссияла в день Полтавы* («1 июля 1842 г.»).

и почти пародийно реанимированного (уже вне петровского мифа) у А. Тинякова¹¹.

В этом контексте совершенно закономерно ожидать включения астионима в сложившееся рифменное гнездо в 1794 г., после штурма Праги и покорения войсками Суворова польской столицы¹². Лирики конца XVIII в., воспевавшие триумф, однако, этим не злоупотребляли. В рифменную позицию астионим не попадает ни в «Стихах графу Суворову-Рымникскому, на случай покорения Варшавы» И. И. Дмитриева, ни в стихотворении Державина «На взятие Варшавы». Характерно, что И. И. Дмитриев и в анонимно получившем широкое распространение в рукописных копиях (см. об этом [Болотов: 24–25]) «Гласе патриота на взятие Варшавы» не рифмует ни с чем слово «Варшава», но в самом начале текста вводит рифмопару, отзывающуюся на это опущенное ключевое слово (этот прием можно назвать рифменной липограммой):

Вопи, союзница лукава
Отныне ставшая рабой:

¹⁰ *И пусть, обманут зовом славы / Ты дерзко жребиш металл, / Пусть на пустых полях Полтавы / Судьбу столетий проиграл* («Карл XII», 1906).

¹¹ *Царицын и Харьков с Полтавой — / Под властью рабочей руки, / И движутся дальше со славой / Бесстрашные наши полки* («Красноармейцы», 1919).

¹² Отметим, что задним числом рифма *слава/Варшава* приписывалась самому полководцу. В фильме В. Пудовкина и М. Доллера «Суворов» (1940) вернувшийся из опалы фельдмаршал приветствует ликующие войска возгласами: *Измаил! Слава! Варшава! Слава! Полтава! Слава! Слава!* Думается, эта географическая глоссология в роде «заумного Тургенева» восходит к многократно тиражировавшемуся впоследствии приказу Суворова перед штурмом Праги (*Кого из нас убьют — царство небесное, живым — Слава! Слава! Слава!*), впервые появившемуся, впрочем, лишь в 1847 г. в книге Я. Старкова «Рассказы старого воина о Суворове», т. е. тогда, когда название города уже прочно вошло в рифменное гнездо.

«Исчезла *собийсков* слава!»
 Ходи с поникшею главою <...>¹³

Аналогичным образом поступает Н. А. Львов в «Солдатской песни на взятие Варшавы» (1796). Этот пример еще показательнее — слово *Варшава* тут есть, но оно не попадает в рифменную позицию, заменяясь в ней метафорой:

Холя с гребнем приходила
 Буйну голову чесать,
 И пришла, да отступила,
 Русска грудь не ходит вспять.

<...>

Буйну голову шершаву
 Кто клокотил, кто трепал?
 Русский выступил на славу,
 Взял Варшаву, расчесал

и Державин, в упомянутом стихотворении которого встречаем рифму *правы/славы*¹⁴.

Можно предположить, что отсутствие лексемы в рифменной позиции имело идеологическую нагрузку (своеобразное табу, наложенное на имя побежденной столицы противника)¹⁵.

Однако подключение нового астионима к рифменному гнезду, формирующемуся вокруг *батальной славы*, все же происходит сразу после завершения суворовского похода на

¹³ Ср. у Державина в позднейшем (1797, 1804) «Мужестве»: *Без бодрственной одной главы, / Чем вознеслась / Собийсков слава, / Став жен Цитерою, Варшава / Уж не соперница Москвы.*

¹⁴ Отметим у Львова, Дмитриева и Державина (в «Мужестве») сопряжение тем *столицы* и *головы*, поддержанного как прозрачной латинской этимологией слова *capital*, так и русским графическим сходством (*слава/глава*).

¹⁵ Ср. поэтический призыв к лишению мятежной провинции имени в написанном в иную эпоху на новое покорение Варшавы стихотворении В. Туманского: «Реки: нет Польши и не будет, / И имя Польши мир забудет! / И на развалинах ея / <...> Возникнет Русь передовая» (цитируется в записи А. И. Тургенева; см. об этом в предыдущем параграфе настоящей книги).

Польшу. В начале 1795 г. А. Т. Болотов записал ходившее в то время по рукам шуточное стихотворение, первый же стих которого завершается именем города:

Поклон отвесила Варшава
 Удалым русским молодцам,
 Сказала: будь и честь и слава,
 Молодчики! навеки вам;
 Сказала — слово раздалось,
 Помчалось и пронеслось,
 До четырех земли концов!
 Злодеи говорят сквозь зубы:
 Мы трубим на весь мир, как в трубы:
 Кто станет против руссаков? [Болотов: 25]

Рифмопара обнаруживается, впрочем, не только в бурлескном контексте: мы находим ее также в оде В. Петрова «На взятие Варшавы 1795 года, Марта 20 дня». Появляющиеся в небе над Варшавой фигуры мифологических предков — Михаила Романова, кн. Дмитрия Пожарского и гражданина Козьмы Минина-Сухорука

Под осеняющей их славой,
 Златых сияний в красоте,
 Пловуци тихо над Варшавой
 Остановились в высоте [Петров: 171].

Здесь «слава» — не абстрактный атрибут героя-полководца или русского воинства, но богиня (Fama), фигура аллегорической композиции. Ту же фигуру мы находим и в «Оде на взятие Варшавы победоносным воинством великия Екатерины, сочиненной Петром Лобысевичем в Херсоне 20 ноября 1794 года» [АГМ: 580]:

Летит в венце лавровом Слава
 И звонкою гремит трубой:
 «Попран мятеж! Уже Варшава
 Лежит под Росскою пятой.
 Екатерина повелела!
 На дерзких буря возгремела,
 Смутился полн сомненья ков.

Румянцев рек! Ступил Суворов!
И туча вредных заговоров
Низверглась в преисподний ров».

Эта традиция, связывающая астионим с суворовской славой, подхватывается в новом столетии. А. С. Шишков вводит рифму в «Надпись» к изваянию Суворова (опубликованную во втором номере «Друга просвещения» на 1805):

Суворов здесь в меди стоит изображен;
Но если хочешь знать сего героя славу,
Спроси Италию, Стамбул, Париж, Варшаву,
Царей, вельмож, граждан, солдат, детей и жен.

Париж помянут тут, конечно, не только в связи итальянским походом Суворова, но и в перспективе активно готовящейся в это время антинаполеоновской кампании; напоминание о судьбе Варшавы должно послужить уроком Бонапарту, только что провозглашенному императором. Та же логика определяет соседство имен двух столиц и в тексте 1812 года, продолжающем державинско-львовскую линию «громпобедных хорев» — «Солдатской песне» И. А. Кованько, сочиненной по получении известия о взятии неприятелем Москвы¹⁶:

Побывать в столице — слава,
Но умеем мы отмщать:
Знает крепко то Варшава
И Париж то будет знать!

Отметим, что по завершении европейской кампании эта линия закономерно исчезает из русского рифмовника: в коллективном послании Батюшкова, Жуковского, Пушкина и Плещеева «К Вяземскому» (1817) рифмопара попадает в контекст шуточной домашней поэзии (первые два стиха — *Зачем, забыв-*

¹⁶ О скептической реакции «паркетных умников», не верящих в русскую победу, на песню Кованько см. в мемуарах редактора «Сына Отечества», в первом номере которого появилось стихотворение: [Греч: 186].

ши славу, Пускаешься в Варшаву — написаны рукою Батюшкова¹⁷). *Слава* тут — атрибут не воина, но литератора.

«Суворовский эпизод» в истории рифменного гнезда, преданный почти полному поэтическому забвению в позднюю александровскую эпоху, был реанимирован в 1831 г. Имя польской столицы в рифменной позиции (как и другие рифмы одического гнезда «славы») превращается в лейтмотив стихотворных текстов, посвященных завершению польской кампании. Другие частотные лексемы, входящие в интересующее нас рифменное гнездо, помещаются в общее тематико-сюжетное поле: *славе двуглавого орла*, символа российской *державы* противопоставит падшая гордая *Варшава*. Еще одно прилагательное, примыкающее к этому ряду — *кровавый* — может выступать как устойчивый эпитет («бой кровавый») либо как атрибут польского бунта, *расправа* над которым справедлива и закономерна.

Приведем подборку из довольно обширного поэтического венка Паскевичу и русскому воинству, выбирая цитаты из опубликованных в русских газетах осени 1831 г. текстов, в которых представлены рифмы к астиониму:

Попрал Кавказ и Арарат,
Мидян и сонм народов горских; —
Струями светлыми Эвфрат
Поил коней его Заволжских: —

¹⁷ Ср. отзвук этой рифмы в упомянутом выше Т. Н. Степанишевой письме Вяземского А. И. Тургеневу от 8.11.1818 шуточную парфразу: «Я и то хожу, как убитый, и пою с Сумароковым:

Савушка-Сава,
Где твоя слава?
Ой ты, Варшава!» [ОА: 140].

Отметим у Вяземского разработку альтернативных способов рифменного введения этого астионима в «Станции» (1825). Варшава, представленная в автобиографически-бытовом, а не в историко-одическом ключе, закономерно обретает тут экзотическую рифму-полонизм («кава»).

Возстал дыша изменой Лях!
 Из глубины могильных сводов
 Приподнялся... почий, Суворов, —
 Паскевич там! — и Ляхи — в прах!
 И на развалинах Варшавы
 Возсел уже Орел двуглавый...

(А. Норов. Графу Паскевичу-Эриванскому // Северная пчела. № 202, 9 сент.)

Доклад

<...> Он, прозваньем Эриванский,
 <...>

Теперь, стоптав у *Вислы* берега,
 Достал опять мечем привычным славу:
 Разбил тройной окоп... и покорил Варшаву.

Справка

<...>

Теперь покрыл себя Он блеском *новых* дел,
 И приложил ко славе... славу:
 Ужом подполз он под Варшаву
 И соколом в нее влетел!..

<...>

Приказали:

Заслугой собственной велик
 Пленитель гордя Варшавы:
 За то его, списав, нетленной кистью, *лик*
 Предать бессмертию и в храм поставить славы:

<...>

(Ф. Глинка. Доклад, Справка и Решение // Санкт-Петербургские ведомости. № 226, 26 сент.)

Чу! Остроленской битвы гул,
 Привет Москвы питомцам славы —
 То над могилою Варшавы
 Золотоглавый Кремль вздохнул!

(А. Шишков 2. На взятие Варшавы. Чувствования русского при громе кремлевских пушек // Русский Инвалид. № 264, 20 окт.)

Герой Суворов называл —
 Штык молодец! — и доказал,
 Что наш солдат, с геройской славой,

Штыком всегда врага разил!
 Теперь Паскевич под Варшавой
 Нам эту правду подтвердил!..

(Н. Кириллов. Штык // Русский Инвалид. № 284,
 9 нояб.)

Из Астрахани

Минувшего Октября 11 числа происходило в Астрахани торжество о взятии Варшавы и усмирении мятежников <...> петы <...> следующие стихи, сочиненные Н. Ф. Остолоповым и положенные на музыку О. Е. Шельгорном:

О сын и друг Российской славы!
 Внемли глас радостных сердец!
 Ты новый приобрел венец
 От покорения Варшавы.

(Московские ведомости. № 91, 14 нояб.)

<...> Наконец
 Смирилась гордая Варшава!
 Награда храбрым будет слава,
 Вождю их — лавровый венец!

<...>
 Хвала тебе, о Вождь-Герой,
 Любимец громко-звучной славы,
 Потрясший мощною рукой
 Твердыни гордя Варшавы!

(Екатерина Данилова. Стихи Светлейшему Князю Варшавскому, Графу Паскевичу-Эриванскому // Московские ведомости. 1831. № 94, 25 нояб.)

Наш Орел держал полет,
 От Аракса до Варшавы;
 И наш добрый Царь, в шесть лет,
 Накопил нам много славы!

(Чувства Руссаго, по случаю истекшаго шестилетия со дня возшествия на Престол Государя Императора Николая I-го // Санкт-Петербургские ведомости. № 280, 28 нояб.)

Характерно, что И. И. Дмитриев, как мы помним, уклонившийся от рифмы в 1794 г., использует ее в послании Жуковскому 1831 г.:

Была пора, питомец русской славы,
И я вослед Державину певал
Фелицы мощь, погром и стон Варшавы, —
Рекла и бысть — и Польши трон упал.

Это послание написано по поводу получения от Жуковского двух текстов, в которых интересующая нас рифмопара была нарочито педалирована. Первый — «Старая песня на новый лад» («Раздавайся, гром победы!..»; 1831) — написан и опубликован сразу после получения известия о взятии Варшавы¹⁸, он задает тон ансамблю русских лир, процитированному выше, и продолжает интонацию хорейческих «солдатских песен» Львова и Державина, подхваченную в 1812 г. Кованько. Более того, повторяемая затем на все лады осенью 1831 г. рифмопара превращается у Жуковского в акустический сигнал, перемещаясь в область изображаемой реальности (соносферы) и становясь частью поэтического сюжета:

Нет врага... но здесь Варшава!
Развернися, Русский стан!
Братья, слышите ли? Слава!
Бьет на приступ барабан.
<...>
«Эриванский! князь Варшавы!»
Клик один во всех устах.
О, как много русской славы
В сих волшебных именах!
<...>
Спор решен! дана управа!
Пала бунта голова!

¹⁸ Это произошло в Царском Селе 4 сентября. Стихотворение написано одновременно с «Бородинской годовщиной»; уже 5 сентября стихотворные отклики Пушкина и Жуковского были представлены императору, 7 сентября было получено цензурное разрешение на выпуск их отдельной брошюрой, в которую вошло также стихотворение «Клеветникам России» [Летопись: 380–381]. 8 сентября песня Жуковского была опубликована и в «Северной пчеле» (№ 201). В изданиях своих сочинений Жуковский этого стихотворения не включал.

И святая наша слава,
Слава русская жива!

Написанное около 12 сентября 1831 г. стихотворение Жуковского «Русская слава», подхватывающее ключевое сочетание первого текста, выдержано в иной тональности: Жуковский не отказывается от песенного лада, но теперь это не боевитые хорей, а куплетно-рефренные ямбы в духе Беранже (каждая строфа состоит из четырех пятистопных и шести четырехстопных стихов). Лирический порыв уступает место историческому эпизму (ср. лейтмотивный зачин основного массива строф: «была пора»). Здесь развернуто (несколько путано изложенное в «Русской песни...») утверждение: *Бились храбро наши деды, / Бьются храбро их сыны*. Дав ретроспективное описание военных испытаний и побед, Жуковский переходит к современности:

Знамена развернул мятеж;
Нас позвал лях на пир кровавый,
Но пир дан на поле славы,
Где след наш памятен и свеж...
И гости пира были те ж;
И та ж была судьба Варшавы.

Интересующие нас рифмопары находим и в «Бородинской годовщине» Пушкина¹⁹. Здесь два раза встречаем рифму «Варшава — слава», один раз рифмуются «Варшавой» и «кровавый» (негативный эпитет стяга восстания) и один раз появляется маргинальное в этом рифменном гнезде прилагательное «златоглавый», — атрибут православного Киева, противопоставленного буйной Варшаве (ср. у Тютчева позднее снятие этого противопоставления, в контексте, предполагающем возможную отсылку к «Бородинской годовщине»: *Рассветает*

¹⁹ Характерно, что в написанной ранее инвективе «Клеветникам России» этой рифмы нет: законы тематического развертывания (и своего рода поэтическое суеверие) заставляют избегать громкой рифмы до усмирения мятежников.

над Варшавой, Киев очи отворил, и с Москвой золотоголовой Цареград заговорил).

Тютчев откликнулся на подавление восстания стихотворением «Как дочь родную на заклянье...», в котором имя польской столицы не рифмуется со славой, а еще одна рифмопара, устойчиво входящая в триумфальный набор (*слава/держава*), подвергается радикальному переосмыслению (курсивы в цитате — наши):

Так мы над горестной *Варшавой*
Удар свершили роковой,
Да купим сей ценой *кровавой*
России целость и покой!

Но прочь от нас венец *бесславья*,
Сплетенный рабскою рукой!
Не за коран *самодержавья*
Кровь русская лилась рекой!

Как нам представляется, такое рифменное умолчание не случайно: оно может свидетельствовать о направленности поэтической полемики Тютчева²⁰, имевшего, скорее всего, возможность ознакомиться с победными песнями русских стихотворцев и противопоставившего им свою первую панславистскую декларацию.

Впрочем, это, как и дальнейшая судьба имени польской столицы в русском рифмовнике (как во время периодических обострений русско-польских отношений в XIX–XXI вв., так и в эпохи затишья старого спора славян²¹) — тема для дальнейших исследований.

²⁰ См. об этом: [Осповат].

²¹ Ср. демонстративное переосмысление ситуации в августе 1914 г., (после официальной декларации вел. кн. Николая Николаевича о будущем воссоединении польских земель и автономии Польши) с перемещением ключевой лексемы «слава» в середину стиха: *В первый раз по улицам Варшавы / С легким сердцем прохожу один. / Не гнетет меня кошмар кровавый / Темной славы роковых годин* (Брюсов). С другой стороны, ср. в неопубликованном агитационном наброске Маяковского 1920 г.: *Шляхта зарвалась*,

ЛИТЕРАТУРА

- АГМ: Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т. II.
- Болотов: Современник<, > или Записки для потомства Андрея Тимофеевича Болотова // Библиограф. 1896. № 2.
- Гаспаров: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. М., 2000.
- Греч: *Греч. Н. И.* Воспоминания // Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990.
- Державин: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. III.
- Западов: *Западов В. А.* Державин и русская рифма XVIII в. // XVIII век. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. Л., 1969.
- Лейбов, Лекманов: *Лейбов Р., Лекманов О.* Заметки о Тарту в современной русской поэзии: освоение места // Блоковский сборник XVIII. Россия и Эстония в XX в.: диалог культур. Тарту, 2010.
- Лейбов, Степанищева, Фрайман: *Лейбов Р., Степанищева Т., Фрайман И.* Рифменное клише как аргумент в идеологических спорах: к истории одной русской рифмопары // И время и место: Истор. филологич. сб. ст. к 60-летию А. Л. Осповата. М., 2008.
- Летопись: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. М., 1999. Т. 3: 1829–1832.
- Лотман, Успенский: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Миф — имя — культура // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. I: Статьи по семиотике и топологии культуры.
- Лосев: *Лосев В. В.* Как много в этом звуке? (Москва как рифма в классической и современной русской поэзии) // Москва и «московский текст» в русской литературе XX в.: Материалы VIII Виноградовских чтений. М., 2005.
- Маяковский: *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1961. Т. 13: Письма и другие материалы.
- ОА: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. I.
- Обатнин: *Обатнин Г.* «Поэзия грамматики» // С любовью к слову: Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday. Helsinki, 2008.

отучим ее ж. / Ваши мари в славу. / Даешь / Варшаву! [Маяковский: 143].

Осват: *Осват А. Л.* Пушкин, Тютчев и польское восстание 1830–1831 годов // Пушкинские чтения в Тарту: Тезисы докл. научн. конф. Таллинн, 1987.

Петров: Сочинения Василия Петрова. СПб., 1811. Ч. II.

Фрайман: *Фрайман И.* Рифменное клише «любовь — кровь» в русской лирике 1820–1830-х годов // Тартуские тетради. М., 2005.

Boele: *Boele Otto.* The North in Russian romantic literature. “Rodopi”: 1996.